КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Утро следующего дня. Эра Николаевна просыпается, вдруг вспомнила, подпрыгнула, смотрит на раскладушку. Раскладушка пуста. Нет книг. Изумленно оглядывается, видит — за столом сидит человек с длинным носом, брезгливо ест суп из кастрюли Эры Николаевны.

ЭРА. Ты кто?

ЧЕЛОВЕК. Классик.

ЭРА. Фамилия?

ЧЕЛОВЕК. Гоголь. Можно просто — Николай.

ЭРА. А где этот?...

ГОГОЛЬ. Лев Николаевич-то?

ЭРА. Он.

ГОГОЛЬ. Лев Николаевич страшно обиделся на вас. Хотел пожаловаться самому (Поднимает палец вверх.) Но мы его отговорили.

Эра Николаевна приходит в себя, идет умываться. Возвращается злая.

ЭРА. Я вам что — дойная корова?

ГОГОЛЬ. Суп жидковат. (Морщится, но ест.)

ЭРА. Жидковат?

ГОГОЛЬ. Я бессмертный русский писатель и драматург.

ЭРА (вырывает из его рук кастрюлю). Не стыдно?

ГОГОЛЬ. Мне стыдиться нечего. Вы должны и обязаны содержать Родную Литературу. Бережечь, охранять и молиться на нас.

ЭРА. Щас... Дождешься...

ГОГОЛЬ. Иначе быть не может. Без нас вы — не пришей кобыле хвост. Вот возьмут когда-нибудь у вас паспорт и впишут: "Эра Николаевна русская тире обезьяна". А в нашей компании — вы почтенная дама. С корнями...

ЭРА. С корнями??

ГОГОЛЬ (забирает кастрюлю). Так что терпите, Русь-матушка... Кажется, все. (Съел,

отдает кастрюлю.)

Пауза. Гоголь достает из-под стола собрание сочинений.

Вы самый умный человек в районе. Грамотный.

ЭРА. Куда этот ум-то девать? На кусок не намажешь, сама экономлю.

ГОГОЛЬ (оглядывается). Хорошо... Тепло, чисто. А где семья?

ЭРА. Детей нет, и мужа тоже. Квартира есть, с ней и живем.

ГОГОЛЬ. Что так?

ЭРА. Так.

Пауза

ГОГОЛЬ. Спокойно, тихо.

ЭРА. Скучно.

ГОГОЛЬ. Знаю.

ЭРА. Привыкла.

ГОГОЛЬ. Я тоже бобыль. И умер один в холодной постели. Страшно жить, когда один. Льву, вот, Николаевичу хорошо да Пушкину ладно... семья, дети бегали.

ЭРА (улыбается). Дети... Какие дети, сам посуди — я могла рожать просто-напросто раза два. А как родишь, если надо кушать и мужика надежного нет. Вот, думаю, подожду, там время полегче станет и заработок повысят и молоко появится. Шиш. Ни мужика, ни денег. Ничего. А у вас в той жизни колбаса была?

ГОГОЛЬ. Колбаса... раньше в России колбасы было видимо-невидимо. Но однажды она исчезла. Говорят, сбежала в Америку по поддельному паспорту. (Пауза.) Теперь она вернулась. Тоска по Родине. Родные желудки...

Пауза

ЭРА. Писатель...

ГОГОЛЬ. Ну да.

ЭРА. А работал кем?

ГОГОЛЬ. Писателем и работал.

ЭРА. А я на стройке. Ишака видел? (Указы-

вает себе пальцем в лоб, тычет.)

ГОГОЛЬ. Какая разница... Стройка или письменный стол... Везде каторга. Тут кирпичи — и там кирпичи, тут материала нет — и там не хватает. Тут денег не дают — и там фигу. Разве что в тепле... оно в радость. Представьте себе, что вы построили дом с золотой маковкой. Через полвека старые жильцы ушли, а новые читают другие молитвы

И вроде верно рассуждают — зачем? Кому это надо? Какая практическая польза? Твои проблемы. И начинаешь шевелить мозгами, гадать, "может, мы в натуре" плохие писатели... не могли создать "Новейшую историю туалетной бумаги"... "Библию вкусной и здоровой пищи". Теперь я писал бы только газеты. "Вечерний Гоголь №26..."

Пауза

В Историческом музее первый экспонат — скелет интеллигента. Позвоночник искривлен, копчик ярко выражен. Вместо черепа — отбойный молоток. Одним словом — урод. Ископаемое чудовище.

ЭРА (облокотилась на стол, внимательно слушает). В чем загвоздка?

ГОГОЛЬ. В Ледниковый период вымерзли все читатели. Ученые гнут извилины — отчего у читателей исчез волосный покров и почему они плохо грызли капусту.

Пьют чай с вареньем.

ЭРА. Ты в космосе был?

ГОГОЛЬ. Был.

ЭРА. А я не была.

ГОГОЛЬ. Жизнь пропала...

Пауза

ЭРА. Напиши про меня анкету.

ГОГОЛЬ. Не могу. Все чернила вышли. (Протягивает Эре книгу.) Здесь.

ЭРА. Нельзя мне. Таблеток и тех никогда не ела, а книжек... (махнула рукой.) не кумаю.

Гоголь грустно улыбнулся, опустил голову, идет на выход.

ЭРА. Стой! (Достает безразмерные валенки и шапку.) На! Пользуй!

ГОГОЛЬ (надел шапку). Покорно благодарен. (Исчезает.)

Эра Николаевна изумленно смотрит, ощущает воздух.

ЭРА. Ловко! Вот жулики!

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Прошло сорок восемь часов. Входит та же Эра Николаевна, в руках авоськи. У стены стоит неподвижная фигура: бакенбарды, смуглое лицо, воротничок.

ЭРА. Скульптура... А я тебя знаю (Подходит, разглядывает, надела очки, осторожно трогает бакенбарды.) Александр Сергеевич: Здравия желаю. (Фигура молчит, не двигается.) О чем молчишь? (Фигура не двигается.)

Эра трогает бакенбарды, что-то ищет, вырвала волосок, разглядывает.

Молчит. Неразговорчивый что-то. (Фигура молчит.) Молчком. Говорить не желает. Стоит. (Эра выкладывает на стол булку хлеба, пакет молока, колбасу.) Вот, денюжат подкинули. Набрала всего... решила сочинить пельмени... (Фигура молчит.)

Эра читает наизусть:

Буря мглою небо кроет. Вихри снежные клубя, то как зверь она завоет, то заплачет как дитя... И еще: "Мчатся тучи, вьются тучи, невидимка и луна, освещает снег летучий, смутно небо, ночь темна..." Откуда помню? (Фигура не двигается.) Зачем грустишь, а? Тебя Дантес убил, да? У нас была учительница, все время темяшила — Пушкина убил Дантес. Дантес убил Пушкина. Что такое Дантес? Болельщик или человек? Немой, что ли? Верно, о чем говорить бессмертному Пушкину со мной. Мы стихов не писали. Без рифмы наше произ-

Эра и сцена